

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского
(<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ ФРГ И ФРАНЦИИ)

Аннотация. В статье исследуются современные проблемы защиты прав человека в государствах – членах Европейского союза на примере Федеративной Республики Германия и Французской Республики. Обосновывается, что, несмотря на общую принадлежность обеих стран к единому европейскому правовому пространству и их включенность в действие Хартии основных прав Европейского союза, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, практики Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека, германская и французская модели защиты прав человека сохраняют различную конституционную логику. Для Германии определяющими являются центральное значение достоинства человека, доктрина непосредственной обязательности основных прав и интенсивный конституционный контроль за мерами наблюдения, ограничением свободы вероисповедания и социальными стандартами в отношении уязвимых групп. Для Франции ключевую роль играют республиканский универсализм, принцип *laïcité*, особая динамика соотношения публичной безопасности и частной свободы, а также сильная роль административной юстиции и Конституционного совета.

Ключевые слова: права человека, Европейский союз, ФРГ, Франция, достоинство личности, *laïcité*, защита данных, миграция, свобода вероисповедания, дискриминация, ЕСПЧ, Суд ЕС.

GRUDTSYNA Lyudmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education
(<https://mipo.online>),
Professor of the Department of Constitutional and International Law
at the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Advocate of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences

ACTUAL PROBLEMS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN EUROPEAN UNION COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF GERMANY AND FRANCE)

Annotation. The article examines the current problems of protecting human rights in the member states of the European Union on the example of the Federal Republic of Germany and the French Republic. It is substantiated that, despite the common belonging of both countries to a single European legal space and their inclusion in the Charter of Fundamental Rights of the European Union, the European Convention for the Protection of Human Rights and

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

Fundamental Freedoms, the practice of the Court of Justice of the European Union and the European Court of Human Rights, the German and French models of human rights protection retain different constitutional logic. For Germany, the central importance of human dignity, the doctrine of the immediate obligation of fundamental rights and intensive constitutional control over surveillance measures, restrictions on religious freedom and social standards in relation to vulnerable groups are decisive. For France, the key role is played by republican universalism, the principle of *laïcité*, the special dynamics of the ratio of public security and private freedom, as well as the strong role of administrative justice and the Constitutional Council.

Key words: human rights, the European Union, Germany, France, dignity of personality, *laïcité*, data protection, migration, religious freedom, discrimination, ECHR, EU Court of Justice.

Введение

Правозащитная проблематика в Европейском союзе на современном этапе все менее поддается описанию в категориях простого «расширения каталога прав». Нормативная база, которой располагают государства – члены ЕС, внешне выглядит чрезвычайно насыщенной: статья 2 Договора о Европейском союзе относит уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и прав человека к фундаментальным ценностям Союза, а статья 6 ДЕС закрепляет признание Хартии основных прав Европейского союза и значение Европейской конвенции о защите прав человека для общего права Союза [1; 2]. Вместе с тем именно развитость этого правового массива и множественность уровней правовой защиты — национального, наднационального и конвенционного — породили новые зоны напряжения. В современной Европе основной вопрос заключается уже не в том, провозглашены ли права, а в том, как именно они взвешиваются, ограничиваются, соотносятся с публичной безопасностью, миграционным управлением, цифровизацией и новой социальной конфликтностью.

Выбор Германии и Франции в качестве сравнительных примеров обусловлен не только их политическим весом в ЕС. Эти страны представляют две крупные конституционные традиции, оказывающие системное влияние на общую правовую культуру Союза. Для германской модели характерны нормативная централизация достоинства человека, высокий уровень догматизации основных прав и активная роль Федерального конституционного суда ФРГ в установлении пределов государственного вмешательства [3; 12; 15]. Для французской модели типичны республиканский универсализм, более сильная ориентация на публичный порядок и гражданскую интеграцию, а также особая роль принципа светскости как конституционно-политической матрицы, через которую решаются споры о равенстве, нейтральности и свободе религии [6; 7; 8; 19].

Актуальность исследования усиливается и тем, что в 2024–2025 гг. правозащитная повестка в ЕС оказалась под влиянием сразу нескольких факторов: дальнейшей цифровизации государства, усиления миграционного давления, роста дискриминационных практик, религиозно-культурных конфликтов, а также расширения представлений о правах как о гарантиях против долгосрочных экологических и технологических угроз [16; 31; 32; 33]. Агентство Европейского союза по основным правам в своих по-

следних обзорах фиксирует, что давление на фундаментальные права проявляется в разных регистрах — от языка ненависти и ксенофобии до уязвимости мигрантов, мусульманских сообществ и иных меньшинств [31; 32]. Поэтому сравнительный анализ Германии и Франции позволяет увидеть не абстрактные различия правовых культур, а реальные механизмы переработки общеевропейских вызовов.

1.1. Многоуровневая защита и судебный диалог в европейском пространстве прав человека

Особенность правозащитной системы ЕС состоит в том, что национальный судья в Германии и Франции сегодня мыслит не в замкнутом национальном контуре, а в режиме постоянного диалога с несколькими источниками права. Статья 47 Хартии ЕС закрепляет право на эффективное средство правовой защиты и справедливое судебное разбирательство, а сама Хартия применяется всякий раз, когда государства действуют в сфере реализации права Союза [1]. Это означает, что миграционные, антидискриминационные, цифровые и социальные конфликты все чаще попадают одновременно под действие национальной конституции, Хартии и Конвенции. В результате права человека в современном ЕС существуют не как единый кодекс, а как система перекрывающихся режимов аргументации.

Для Германии данная ситуация усиливает и без того высокую роль конституционной догматики. Федеральный конституционный суд традиционно стремится удерживать автономный язык Основного закона, но одновременно соотносит его с европейскими стандартами, особенно когда речь идет о защите личности, правосудии и предсказуемости ограничения свободы [15; 16]. Для Франции многоуровневость означает иное: значительная часть правозащитной динамики возникает через взаимодействие Конституционного совета, Государственного совета, Кассационного суда и ЕСПЧ. Французская система менее догматизирована на уровне единой общей теории основных прав, но более пластична в институциональном смысле, что позволяет ей адаптировать республиканский универсализм к требованиям европейского контроля.

Вместе с тем, на наш взгляд, многоуровневая защита не устраняет проблем, а иногда усложняет их. Во-первых, стандарты разных судов не всегда совпадают по интенсивности контроля. Во-вторых, государство может использовать расхождения между уровнями защиты для маневра, представляя ограничение как допустимое в рамках национальной традиции или как находящееся в пределах усмотрения.

В-третьих, для самого носителя права усложняется навигация по средствам защиты. Поэтому доступ к правосудию сегодня становится не только правом обратиться в суд, но и вопросом понятности правовой архитектуры. Чем более многослойной является система защиты, тем выше потребность в ясных процессуальных маршрутах и согласованных стандартах доказывания, особенно в делах о дискриминации, миграции и цифровом наблюдении.

Эта проблема имеет и теоретическое измерение. В литературе подчеркивается, что достоинство, приватность, равенство и свобода религии в Европе функционируют как понятия, содержание которых определяется контекстом и институциональной позицией суда [37; 40]. Следовательно, эффективность правозащитной системы зависит не только от наличия текста права, но и от качества межсудебного перевода: насколько национальные суды способны воспринимать европейские стандарты не как внешнее давление, а как ресурс углубления собственной правовой аргументации. В этом смысле Германия и Франция представляют два разных типа европейской правовой социализации, оба из которых влияют на будущее прав человека в Союзе.

1. Нормативно-ценностный каркас защиты прав человека в ЕС и различие германской и французской моделей

Современная система защиты прав человека в ЕС строится как минимум на трех взаимосвязанных слоях. Первый слой образуют ценности и принципы первичного права Союза. ДЕС прямо связывает европейский проект с уважением достоинства человека и прав человека, а Хартия ЕС детализирует эти начала в виде субъективных прав на достоинство, свободу, частную жизнь, защиту персональных данных, свободу мысли, совести и религии, недискриминацию и эффективную судебную защиту [1; 2]. Уже сама структура Хартии показывает, что европейское право исходит из тесной связи материальных прав и процессуальных гарантий: правозащитная проблема существует не только тогда, когда нарушается свобода, но и тогда, когда отсутствует эффективное средство ее защиты.

Второй слой составляет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод вместе с практикой ЕСПЧ. Несмотря на то что ЕС как организация формально не стал участником Конвенции, конвенционные стандарты продолжают выполнять функцию общего ориентира для государств – членов и институтов Союза. В отношении Франции и Германии это особенно заметно в сферах миграции, дискриминации, процессуальных гарантий, приватности и свободы религии [24–29; 36]. Конвенционная система действует как внешний корректирующий механизм: она не заменяет национальные конституционные доктрины, но проверяет, не вышли ли государства за пределы допустимого усмотрения.

Третий слой формируется национальными конституционными традициями. В Германии Основной закон ставит в начало конституционного текста

достоинство человека и прямо подчиняет законодательную, исполнительную и судебную власть основным правам как непосредственно действующему праву [3]. В этом смысле немецкая модель отличается высокой догматической интенсивностью. Не случайно Д. Гримм подчеркивал, что гарантия человеческого достоинства в статье 1 Основного закона имела «не только символическое, но и непосредственное юридическое действие» [38]. В свою очередь К. Эндерс концептуализировал человеческое достоинство как «право иметь права», то есть как исходный конституционный статус личности, не зависящий от политической конъюнктуры [39]. Германская модель поэтому склонна рассматривать даже технические административные решения — например, обработку данных или размер социальных выплат — через призму их воздействия на статус личности.

Французская конструкция иная. Конституция 1958 г. опирается на преамбулу, отсылающую к Декларации прав человека и гражданина 1789 г., Преамбуле Конституции 1946 г. и Хартии окружающей среды 2004 г.; статья 1 закрепляет характеристики Французской Республики как неделимой, светской, демократической и социальной, обеспечивающей равенство перед законом без различия происхождения, расы или религии [6]. Французский правопорядок исторически меньше акцентирует абстрактную метафизику достоинства как автономного абсолютного принципа и сильнее связывает права с республиканским гражданством, публичным порядком и идеей интегрированной политической общности. С. Эннет-Воше справедливо отмечает, что достоинство в французском праве остается концептом одновременно важным и спорным, поскольку его нормативная функция колеблется между защитой автономии личности и оправданием ограничений, предпринимаемых во имя общественного представления о достойной жизни [44].

Отсюда вытекает важное сравнительное наблюдение. В Германии правозащитный анализ чаще начинается с вопроса о пределе вмешательства в сферу свободы и достоинства индивида. Во Франции — с вопроса о том, совместимы ли притязания индивида с требованиями республиканского порядка, *laïcité* и общественной безопасности. Эти подходы не исключают друг друга, но задают различные точки входа в анализ споров. Именно различие исходной конституционной логики объясняет, почему схожие по предмету конфликты — например, споры о религиозных символах, наблюдении или миграционном контроле — получают в двух странах различное нормативное оформление и разную судебную аргументацию.

2. Федеративная Республика Германия: достоинство личности, информационная свобода и новые пределы вмешательства

Для понимания актуальных правозащитных проблем в Германии принципиально важна знаменитая переписная (*sensus*) юриспруденция Федерального

конституционного суда. В решении 1983 г. Суд вывел из статей 1 и 2 Основного закона право на информационное самоопределение и указал, что ограничения этого права допустимы лишь при наличии преобладающего публичного интереса и достаточной нормативной определенности [12]. Этот прецедент давно вышел за пределы своего исторического контекста. Он стал матрицей, через которую в Германии воспринимались цифровые базы данных, полицейская аналитика, межведомственный обмен информацией и деятельность разведывательных органов.

Именно поэтому современная германская правозащитная повестка столь сильно чувствительна к технологическому расширению государственного контроля. В решении 2020 г. о внешней телекоммуникационной разведке Федеральный конституционный суд признал, что полномочия Федеральной разведывательной службы по наблюдению за иностранными телекоммуникациями в существовавшем виде нарушают фундаментальные права, и подчеркнул, что даже внешняя разведывательная деятельность должна быть «опоясана» правами, вытекающими из Основного закона и принципа правового государства [15]. Это решение показательное по двум причинам. Во-первых, оно подтверждает, что правозащитная логика Основного закона не исчерпывается внутренним национальным пространством и распространяется на трансграничные информационные операции, если германская публичная власть фактически вмешивается в свободы человека. Во-вторых, Суд ясно дал понять, что технологическая сложность наблюдения не освобождает государство от обязанности создавать понятные, дифференцированные и контролируемые правовые основания для доступа к данным.

Линия на ужесточение конституционного контроля была продолжена в решении 2023 г., где Суд признал неконституционными положения законодательства Гессена и Гамбурга об автоматизированном анализе данных в целях предотвращения преступлений [17]. В центре аргументации вновь оказалось общее право личности, связанное со статьями 1 и 2 Основного закона: автоматизированное соотношение накопленных массивов данных способно породить более глубокий и широкий цифровой профиль лица, чем отдельные акты сбора информации. Иначе говоря, опасность правонарушения состоит не только в первоначальном сборе данных, но и в новых качествах знания, возникающего в результате их машинной интерпретации. Эта доктрина чрезвычайно актуальна для всего ЕС, поскольку цифровое государство все чаще перемещает точку риска от «классического» наблюдения к аналитическим системам, которые формально работают с уже имеющимися данными, но фактически конструируют новые уровни вторжения в частную сферу.

В таком подходе проявляется германская приверженность персоналистской правовой оптике. ЕСПЧ и Суд ЕС также признают важность защиты данных и частной жизни, однако немецкая модель отличается особой готовностью связывать обработ-

ку данных с угрозой редукции личности до управляемого информационного объекта. Не случайно К. МакКрудден в своей известной работе подчеркивал, что содержание достоинства в праве всегда «контекстно-специфично» [37]. В германском контексте этот тезис означает, что достоинство личности становится не риторическим символом, а рабочим ограничителем для цифровой бюрократии.

Актуальная проблематика не исчерпывается сферой наблюдения. Германия продолжает оставаться важным примером того, как социальные права и стандарты обращения с уязвимыми группами выводятся из достоинства человека. В решении 2012 г. по Закону о пособиях просителям убежища Федеральный конституционный суд признал неконституционными действовавшие нормы о размерах базовых денежных выплат [13]. Суд прямо указал, что гарантируемый государством минимум, совместимый с человеческим достоинством, принадлежит каждому человеку и не может ставиться под сомнение в зависимости от миграционного статуса. Для современной Европы этот прецедент принципиален: он показывает, что миграционная политика может регулировать въезд, пребывание и процедуры, но не вправе девальвировать сам базовый антропологический статус лица. В ситуации политизации темы убежища и возрастающего давления на системы приема беженцев германская юриспруденция напоминает, что правозащитный минимум не может быть превращен в инструмент устрашения.

При этом нельзя идеализировать германскую практику. Основной закон в статье 16а признает право убежища, но одновременно содержит конструкцию «безопасных третьих государств», резко сужающую возможности для его реализации [3; 4]. Закон о пребывании иностранцев и Закон об убежище отражают управленческую логику контроля миграции, регистрации, размещения, выдворения и интеграции [4; 5]. В результате и в Германии возникает типичная для ЕС коллизия: достоинство и социальный минимум признаются принципиально неотчуждаемыми, но процессуальные и территориальные режимы доступа к защите остаются жесткими. Это создает напряжение между высокими конституционными принципами и административной техникой их практического исполнения.

Отдельного внимания заслуживает проблема дискриминации и этнического профилирования. Хотя германская правовая культура традиционно воспринимается как нормативно чувствительная к равенству, практика полицейских проверок показывает, что формальная антидискриминационная риторика не устраняет риск селективного контроля. В деле *Basu v. Germany* ЕСПЧ признал нарушение статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, указав на отсутствие эффективного исследования заявлений о расовом профилировании при полицейской проверке личности на поезде [18; 36]. Это решение важно не только как эпизод международного контроля. Оно вскрывает системную проблему: даже развитые правовые системы нередко готовы

защищать равенство на уровне абстрактных норм, но недостаточно оснащены процессуальными механизмами для доказывания и расследования дискриминационного мотива в действиях полиции.

К числу новых правозащитных вызовов Германия добавила и экологическое измерение. В решении 2021 г. по Федеральному закону о защите климата Суд признал, что недостаточная конкретизация мер по сокращению выбросов после 2030 г. перекладывает чрезмерное бремя на будущую свободу последующих поколений [16]. Хотя Суд не сформулировал «субъективное право на климат» в простом виде, он связал климатическую политику с конституционной защитой свободы и достоинства в межвременном измерении. Тем самым в Германии защита прав человека перестала быть только реакцией на уже совершенное вмешательство: она стала включать предупреждение предсказуемых долгосрочных ограничений свободы, вытекающих из недостаточной государственной политики.

Следовательно, современная германская модель демонстрирует одновременно силу и уязвимость европейского правозащитного государства. Ее сила — в высоком уровне догматической артикуляции прав, способности суда контролировать технологические и социальные трансформации и в готовности выводить из достоинства человека конкретные требования к законодательству. Ее уязвимость — в постоянном давлении со стороны безопасности, миграционного управления и полицейской дискреции, которые стремятся переводить исключительные меры в режим обычного администрирования.

2.1. Социальное государство, миграция и минимальные условия достойного существования в Германии

Германский конституционализм важен для европейской правозащитной повестки не только благодаря доктрине приватности, но и благодаря сильной связи между достоинством личности и социальным государством. В решении о пособиях просителям убежища 2012 г. Федеральный конституционный суд фактически подтвердил, что минимум существования, совместимый с достоинством человека, не зависит от гражданства и не может быть снижен в педагогических или миграционно-сдерживающих целях [13]. Эта позиция имеет принципиальный европейский смысл. В ней содержится идея, что государство вправе спорить о праве на въезд, праве на пребывание, объеме интеграционных обязанностей, но не вправе использовать социальную нужду как инструмент де-антропологизации адресата власти.

Указанная логика особенно важна в контексте германского Закона о пребывании иностранцев. Уже в статье 1 данного закона соединяются управленческая и гуманитарная функции: с одной стороны, закон направлен на регулирование притока иностранцев с учетом интересов экономики и емкости приема, с другой — должен обеспечивать выполнение гуманитарных обязательств Германии [5]. На

практике это создает постоянное напряжение между административной рациональностью и конституционным статусом личности. Когда речь идет о размещении, социальном обеспечении, доступе к труду, медицинской помощи и интеграционным требованиям, административное право может воспринимать иностранца как объект миграционного менеджмента, тогда как конституционное право требует видеть в нем носителя неотчуждаемого достоинства.

Для современной Европы германский опыт особенно показателен потому, что кризис убежища и рост популистского давления во многих государствах сопровождаются попытками «градуировать» человеческую ценность в зависимости от статуса пребывания. Именно против такой градации направлена немецкая конституционная мысль. Как подчеркивал К. Эндерс, достоинство означает право иметь права, а не привилегию, зависящую от лояльности или гражданской полезности [39]. Отсюда следует, что даже лица с нестабильным миграционным статусом должны получать минимум судебной и социальной защиты, без которого вся конституционная конструкция превращается в форму национально ограниченного гуманизма.

Однако и в Германии нарастает искушение прагматизировать права. Дискуссии о депортации, безопасных странах происхождения, ускоренных процедурах и расширении обмена данными между ведомствами свидетельствуют, что гуманитарные обязательства все чаще конкурируют с дискурсом управляемости. Поэтому одной из актуальных проблем защиты прав человека в ФРГ является сохранение связи между достоинством, свободой и социальной защитой в условиях, когда миграция рассматривается прежде всего как вопрос государственной способности к контролю. Без этой связи германская модель рискует утратить свое главное достоинство — способность превращать абстрактную ценность достоинства в конкретные и проверяемые юридические стандарты.

3. Свобода религии, нейтралитет и равенство в Германии: пределы модели «открытого государства»

Одной из самых тонких правозащитных проблем Германии остается соотношение свободы религии, нейтралитета государства и равенства. В отличие от французской светскости, германская модель традиционно строилась не на вытеснении религии из публичной сферы, а на кооперативном, «открытом» нейтралитете государства. Статьи 3 и 4 Основного закона запрещают дискриминацию по признаку веры и гарантируют свободу вероисповедания [3]. Но именно эта открытость периодически подвергается испытанию в спорах о мусульманских символах, прежде всего о ношении платка в школе и на государственной службе.

Знаковым здесь стало решение Федерального конституционного суда 2015 г., признавшее, что общий запрет на ношение платка учителями государственных школ несовместим с Конституцией [14].

Суд подчеркнул, что абстрактный, превентивный запрет непропорционально ограничивает свободу веры и не может быть оправдан без конкретной опасности для школьного мира или государственной нейтральности. Тем самым немецкая конституционная юриспруденция отказалась признать сам видимый религиозный символ достаточным основанием для ограничения права. Иначе говоря, нейтралитет государства не тождественен невидимости религии; он означает равную дистанцию и равное уважение, а не тотальную секуляризацию публичной сферы.

Данная линия была подтверждена и в последующих решениях, где Суд отмечал, что мусульманки, носящие платок как элемент своей веры, вправе ссылаться на защиту свободы религии и свободы ее исповедания [14]. С точки зрения прав человека это чрезвычайно важный сигнал для всей Европы. Он показывает, что проблема религиозных символов не должна решаться через презумпцию угрозы со стороны меньшинства. Напротив, именно государство обязано доказать наличие реального конфликта между религиозной свободой и иными конституционными ценностями.

В научной литературе такая позиция обычно оценивается как более плюралистическая по сравнению с жесткими запретительными моделями. К. Беннуне в контексте дискуссий о платках справедливо указывала на необходимость контекстного анализа, не допускающего автоматического отождествления религиозного выражения с антиэмансипаторной практикой [43]. Для Германии это особенно актуально, поскольку германская модель интеграции долгое время стремилась сочетать открытость публичной сферы с требованиями конституционного патриотизма. Однако на практике даже здесь сохраняется риск культурной асимметрии: христианские символы часто воспринимаются как элемент традиции, а мусульманские — как вызов нейтралитету. Следовательно, проблема состоит не только в тексте закона, но и в скрытой иерархии культурной нормальности.

Именно здесь становится заметен второй слой правозащитной уязвимости. Формально германский подход выглядит более инклюзивным, чем французский, но фактически он зависит от тонкой судебной калибровки и потому остается нестабильным. Любая политизация темы интеграции, миграции или безопасности способна вновь перевести спор о свободе религии в плоскость подозрения и символического исключения. Поэтому для Германии актуальной остается задача удержания нейтралитета именно как открытого и равного режима, а не как прикрытой формы культурного доминирования большинства.

4. Французская Республика: республиканский универсализм, *laïcité* и конфликт публичного порядка со свободой личности

Французская модель защиты прав человека развивается в иной координатной системе. Формально она также глубоко укоренена в идее свободы и равенства: преамбула Конституции 1958 г. отсылает к Декларации 1789 г., а статья 1 утверждает светский

характер Республики и равенство граждан перед законом независимо от происхождения, расы и религии [6]. Однако французская правовая культура связывает защиту прав не только с автономией индивида, но и с идеалом единого гражданского пространства, в котором религия, этничность и иные особенности не должны размывать универсальный характер республиканской общности.

Наиболее ярко эта логика проявилась в регулировании религиозных символов. Закон № 2004-228 запретил в государственных школах ношение знаков и одежды, явно манифестирующих религиозную принадлежность [7]. Закон № 2010-1192 установил запрет на сокрытие лица в публичном пространстве [8]. В обоих случаях аргументация государства строилась вокруг сочетания светскости, равенства, достоинства и общественного порядка. С юридической точки зрения ключевой вопрос заключался в том, допускает ли французская конституционная и конвенционная система столь широкие ограничения свободы религии и частной автономии.

Решение ЕСПЧ по делу *S.A.S. v. France* стало поворотным моментом. Суд признал, что французский запрет сокрытия лица в публичном пространстве не нарушает Конвенцию, приняв аргумент о «минимальных требованиях совместной жизни» — *vivre ensemble* — в качестве легитимной цели вмешательства [28]. Именно эта часть решения вызвала наибольшую критику в науке. М. Пирсон справедливо отмечает, что использование концепта *vivre ensemble* после *S.A.S.* оказалось крайне спорным и само по себе требует осторожности [41]. Г. Эллиотт-Уильямс указывает, что решение по *S.A.S.* демонстрирует, насколько легко свобода манифестации религии может быть ограничена в рамках расширительно понимаемого усмотрения государства [42]. Сравнительно-правовой анализ К. Беннуне также предупреждает против упрощенных схем, в которых женская одежда автоматически превращается в показатель несвободы, а запрет — в универсальное средство эмансипации [43].

Для французской правовой системы данная линия имеет далеко идущие последствия. Она означает, что публичное пространство мыслится не как нейтральная арена сосуществования разных способов жизни, а как нормативно насыщенная среда, в которой государство вправе требовать видимой совместимости поведения с определенной моделью гражданской коммуникации. С точки зрения прав человека проблема здесь заключается не только в самом ограничении, но и в его логике: право может быть ограничено не потому, что оно причиняет конкретный вред, а потому, что его публичное проявление признается несовместимым с республиканским представлением о нормальном социальном взаимодействии.

Тем не менее французская система не сводится к безусловному приоритету запрета. Государственный совет в ряде дел о так называемом *burkini* подчеркивал, что ограничение религиозно окрашенной одежды в публичном пространстве возможно лишь

при наличии актуального и доказанного риска для общественного порядка. В 2016 г. Conseil d'État приостановил применение муниципальных мер, запрещающих купальные костюмы, которые якобы явно демонстрируют религиозную принадлежность; аналогичную позицию он занял и в 2023 г., указав, что подобный запрет должен быть подтвержден реальной угрозой публичному порядку [22]. Этот блок практики показывает, что внутри французского права существуют не только рестриктивные, но и корректирующие механизмы. Однако сама необходимость постоянной судебной коррекции свидетельствует о структурной напряженности между *laïcité* как принципом свободы совести и *laïcité* как инструментом видимого дисциплинирования публичной сферы.

Ситуацию дополнительно усложняет то, что французская модель универсализма исторически с подозрением относится к юридическому признанию групповых различий. Это снижает видимость дискриминации, которая часто не артикулируется через язык меньшинств, но проявляется в практиках отбора, контроля и символического исключения. Поэтому современная проблема защиты прав человека во Франции состоит не только в наличии отдельных ограничительных законов, но и в том, что республиканский универсализм иногда затрудняет саму диагностику неравного воздействия «нейтральных» правил на различные группы населения.

4.1. Конституционный совет Франции: *fraternité*, защита данных и пределы республиканского государства

Французская правовая система нередко описывается как менее благоприятная для прав человека по сравнению с германской, однако такая характеристика была бы односторонней. Конституционный совет Франции в последние годы выработал ряд решений, свидетельствующих о наличии внутри республиканской модели собственных правозащитных коррективов. Особое значение имеет решение № 2018-717/718 QPC, в котором из принципа *fraternité* (братства) была выведена свобода помогать другому лицу в гуманитарных целях вне зависимости от законности его пребывания [19]. Для миграционного права это был крайне важный сигнал: солидарность с уязвимым лицом не может автоматически криминализироваться лишь потому, что государство стремится усилить контроль над нелегальной миграцией.

Не менее показательным стало решение № 2018-765 DC по закону о защите персональных данных [20]. Рассматривая реформу, связанную с приведением французского права в соответствие с общеевропейскими стандартами защиты данных, Конституционный совет подтвердил значимость конституционного контроля над переработкой персональной информации. Хотя французская аргументация по защите данных не строится на развернутой теории информационного самоопределения по германскому образцу, она все же признает, что цифровая обработка личности должна подчиняться требованиям необходимости, пропорциональности и

предсказуемости. Тем самым французская модель постепенно усиливает собственный правозащитный инструментарий в сфере технологий.

Сочетание решений о *fraternité* и защите данных демонстрирует важную эволюцию. Французская республика не сводится к дисциплинирующей *laïcité* или к запретительной логике публичного порядка. Внутри нее развивается и другое направление — поиск таких конституционных аргументов, которые позволяют защитить гуманитарное действие, частную автономию и цифровую неприкосновенность, не разрушая основ республиканского государства. Именно это делает французскую модель более сложной, чем ее карикатурное изображение как «режима запрета».

Тем не менее правозащитный потенциал таких решений зависит от того, насколько последовательно они будут транслироваться в обычное законодательство и административную практику. Пока французская система продолжает демонстрировать дуализм: на уровне высоких принципов она способна выводить из *fraternité* защиту солидарного поведения и ограничивать вмешательство в сферу данных, но на уровне повседневного управления миграцией, безопасностью и религиозной видимостью сохраняется сильный рестриктивный импульс. Следовательно, одна из актуальных проблем прав человека во Франции заключается не в отсутствии прогрессивных прецедентов, а в разрыве между конституционной коррекцией и массовым административным применением.

5. Франция: миграция, убежище и кризис эффективных средств правовой защиты

Одним из наиболее чувствительных направлений французской правозащитной повестки остаются миграционные и убежищные процедуры. Здесь сталкиваются суверенный интерес государства в контроле границ и конституционные требования к защите личности от произвольного задержания, высылки и унижающего обращения. Уже в деле *Amuur v. France* ЕСПЧ дал понять, что содержание мигрантов в транзитной зоне аэропорта не освобождает государство от требований статьи 5 Конвенции и от обязанности обеспечивать законность лишения свободы [23]. Это был ранний сигнал о том, что «пространственная хитрость» миграционного права — вынесение человека в квазиевнутреннюю зону — не отменяет его правового статуса.

В деле *Gebremedhin v. France* Суд сформулировал еще более конкретный стандарт: ходатайствующему об убежище, чье прошение отклонено на границе, должно быть предоставлено эффективное средство правовой защиты с приостанавливающим эффектом, если высылка может повлечь риск обращения, несовместимого со статьей 3 Конвенции [24]. Дело *De Souza Ribeiro v. France* развило эту линию: исполнение решения о выдворении вскоре после подачи ходатайства о его приостановлении нарушает статью 13 Конвенции, поскольку средство защиты должно быть не только формально предусмотрено,

но и практически способно предотвратить необратимые последствия [25]. Оба прецедента имеют принципиальное значение для оценки современной французской миграционной политики. Они требуют видеть в праве на эффективное средство защиты не технический процессуальный атрибут, а материальную гарантию от необратимого вмешательства в судьбу человека.

Особо показательным стало дело *Khan v. France*, где ЕСПЧ установил нарушение статьи 3 в связи с тем, что несовершеннолетний иностранный ребенок без сопровождения находился в крайне уязвимых и унижающих условиях в импровизированном лагере, а судебное решение о его помещении под защиту не было исполнено [26]. Правозащитный смысл этого дела выходит за пределы индивидуального эпизода. Суд напомнил, что государство несет позитивные обязательства по защите особенно уязвимых лиц, и именно неисполнение внутренних судебных решений может превратить миграционную ситуацию в зону фактической деградации достоинства человека.

Вместе с тем, французская система демонстрирует и другой тип конфликта — между безопасностью и защитой беженцев. В деле *K.I. v. France* рассматривался вопрос о последствиях отзыва статуса беженца у лица, осужденного за террористическое преступление; при этом Суд анализировал одновременно национальные процедуры и риск высылки в контексте статьи 3 Конвенции [27]. Значение данного дела для более общей темы состоит в том, что оно иллюстрирует новый тип правозащитной дилеммы: даже серьезная угроза общественной безопасности не освобождает государство от абсолютного запрета на высылку в условия реального риска пыток или бесчеловечного обращения. Эта логика была дополнительно прояснена Судом ЕС в деле *M and Others (Revocation of refugee status)*, где было подчеркнуто различие между отзывом статуса и реальной защитой от *refoulement* [30].

Следовательно, современная французская правовая реальность характеризуется не отсутствием правовых гарантий, а их постоянным испытанием на прочность. Административная эффективность, ускоренные процедуры, приграничное регулирование и безопасность порождают искушение воспринимать право на убежище как вопрос управленческой логики. Но именно здесь и проявляется уязвимость прав человека: чем быстрее и техничнее становится административный процесс, тем выше риск, что эффективное средство защиты превратится в формальность. Французская и конвенционная судебная практика последовательно сопротивляются этой трансформации, однако сама повторяемость подобных дел свидетельствует о системности проблемы.

6. Цифровое наблюдение и алгоритмическая безопасность во Франции: новые формы риска для приватности

Еще одной зоной обострения правозащитной проблематики во Франции стало расширение цифрового наблюдения и алгоритмической обработки

изображений в публичном пространстве. Закон № 2023-380, посвященный в том числе обеспечению безопасности Олимпийских и Паралимпийских игр 2024 г., разрешил экспериментальное использование алгоритмической обработки изображений, собранных системами видеонаблюдения и камерами на воздушных судах, для выявления определенных событий, способных представлять угрозу общественной безопасности [9]. Декрет № 2023-828 конкретизировал порядок реализации таких средств и указал, что эксперимент может действовать до 31 марта 2025 г. [10]. Конституционный совет в решении № 2023-850 DC признал соответствующие положения конституционными при соблюдении ряда оговорок [21].

На первый взгляд французский законодатель пытался создать более «умеренную» модель контроля, чем классическое распознавание лиц. CNIL специально подчеркивала, что используемые в рамках олимпийской безопасности «augmented cameras» не являются средствами *facial recognition* и что закон прямо исключил биометрическую идентификацию и технологии распознавания лиц [34]. Однако правозащитная проблема от этого не исчезает. Во-первых, сама алгоритмическая селекция событий в публичном пространстве меняет режим видимости гражданина: человек оказывается не просто объектом записи, а элементом потока данных, подвергаемого предиктивной интерпретации. Во-вторых, даже без прямой идентификации алгоритмический анализ поведения и движения способен подрывать анонимность публичной сферы, особенно если используется в сочетании с другими административными базами данных. Наконец, в-третьих, временный эксперимент имеет свойство превращаться в модель будущего обычного регулирования.

Именно поэтому CNIL последовательно настаивает на том, что системы распознавания лиц и расширенные технологии компьютерного зрения несут значительные риски для свобод, включая подрыв анонимности в публичном пространстве, использование чувствительных и постоянных биометрических данных, а также технологические ошибки и смещения в зависимости от пола или цвета кожи [34; 35]. Эта позиция особенно важна в сравнительном плане. Она показывает, что внутри самого французского правового порядка присутствует мощный правозащитный контрбаланс: даже когда государство расширяет арсенал безопасности, специализированный регулятор данных предупреждает о системных рисках для прав человека.

Проблема здесь носит общеевропейский характер. Цифровое наблюдение все реже оформляется как классическая оперативно-розыскная мера, направленная на конкретное лицо. Вместо этого возникает инфраструктурная система непрерывной аналитики публичного пространства, оправдываемая превенцией риска, управлением массовыми мероприятиями, транспортной безопасностью или борьбой с насилием. Для прав человека это означает смещение фокуса: если раньше спор шел о

законности индивидуального вторжения, то теперь — о допустимости самой архитектуры постоянной машинной оценки поведения.

Французский опыт важен еще и потому, что он демонстрирует, насколько соблазнительно для государства использовать массовые события как лабораторию правовых исключений. Олимпийские игры позволили провести эксперимент в режиме общественной поддержки безопасности, однако пределы такого «эксперимента» принципиальны для будущего европейского права. Если алгоритмическое наблюдение укоренится как допустимый стандарт без убедительных процедурных гарантий, независимого аудита, минимизации данных, запрета вторичного использования и судебного контроля, то европейская правозащитная система столкнется не с отдельными нарушениями, а с новой нормальностью, в которой свобода передвижения и анонимность публичной жизни будут постепенно размываться.

В этом пункте особенно заметно различие германского и французского подходов. Германия через юриспруденцию Федерального конституционного суда стремится превентивно ограничить саму способность государства конструировать глубокие цифровые профили личности [15; 17]. Франция же чаще идет путем допуска ограниченного эксперимента под надзором регулятора и суда [21; 34]. Для прав человека вопрос состоит в том, какой из этих путей лучше отвечает идее эффективной превенции злоупотреблений. Представляется, что германская модель, при всей ее сложности, предоставляет более сильные конституционные предохранители.

7. Дискриминация, этническое профилирование и кризис формально нейтральных практик

Одной из наиболее показательных актуальных проблем защиты прав человека в ЕС стала трансформация классической дискриминации в трудноуловимые, формально нейтральные практики. Германия и Франция долгое время предпочитали рассматривать себя как правопорядки, где дискриминация осуждена и потому ее остаточные проявления носят исключительный характер. Однако новейшая практика ЕСПЧ и материалы европейских органов свидетельствуют, что проблема этнического и расового профилирования сохраняет системное значение.

В деле *Basu v. Germany* ЕСПЧ отметил, что в ситуации обоснованного утверждения о расовой дискриминации государство обязано проявлять особую бдительность и обеспечивать действенное расследование мотивации полицейской проверки [18; 36]. Для Франции аналогичную функцию выполнило недавнее дело *Seydi and Others v. France*. В 2025 г. Суд рассмотрел жалобы шести заявителей, описывавших себя как лиц африканского или североафриканского происхождения, подвергавшихся полицейским проверкам личности на улице; в отношении одного из заявителей была установлена материальная дискриминация по статье 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции [29; 36]. Даже если по части заявителей нарушение не было установлено, сам факт при-

знания Судом дискриминационного характера одной из проверок имеет большое правовое значение. Он подтверждает, что этническое профилирование в европейских демократиях является не абстрактной социальной жалобой, а юридически верифицируемой формой нарушения прав.

Актуальность этой проблемы возрастает на фоне более широкой атмосферы подозрения к миграционным и религиозным меньшинствам. Агентство ЕС по основным правам в обзорах 2024–2025 гг. фиксирует устойчивые формы расизма, дискриминации и социального исключения в отношении мусульман и иных уязвимых групп [31; 32]. Речь идет не только о преступлениях ненависти или прямой враждебности, но и о накопительном эффекте формально нейтральных решений: повышенной вероятности полицейского контроля, селективного внимания в процедурах безопасности, недоверия к внешним религиозным маркерам, более высокой чувствительности к «необычному» поведению в публичном пространстве. Таким образом, дискриминация в современных условиях все чаще действует через инфраструктуру повседневного администрирования.

Правовая трудность здесь очевидна. Формальная модель равенства плохо работает там, где нарушением является не прямо выраженное правило, а совокупность вероятностных решений, дискреционных фильтров и неявных предубеждений. Поэтому все большее значение приобретают процессуальные стандарты: обязанность мотивировать проверку, документировать основания вмешательства, создавать независимые механизмы жалобы и не перекладывать на заявителя непосильное бремя доказывания скрытого дискриминационного мотива. Иными словами, современная защита равенства зависит не только от запрета дискриминации в законе, но и от того, насколько правовая система умеет работать с труднодоказуемыми, контекстными и структурными формами неравного обращения.

Сравнение Германии и Франции показывает, что обе страны находятся лишь в начале этой перестройки. Германия сильнее в конституционной догматике и защите частной сферы, Франция — в развитости административной юстиции и публичной аргументации о допустимых пределах полицейского усмотрения. Но ни одна из моделей пока не может считаться окончательно успешной в преодолении логики профилактической подозрительности по отношению к «видимым» меньшинствам. Отсюда следует общий для ЕС вывод: антидискриминационный стандарт должен быть интегрирован в обычную правоприменительную технику полиции, миграционных органов и цифровых систем, а не существовать только как абстрактное конституционное обещание.

7.1. Права человека и доступ к правосудию: процессуальное измерение европейского правозащитного государства

Сравнение Германии и Франции показывает, что во многих современных правозащитных конфликтах решающее значение имеет не столько формальное

признание права, сколько доступность и эффективность средств его защиты. В миграционных делах это очевидно: право не быть подвергнутым высылке в условиях риска пыток утрачивает смысл, если жалоба не приостанавливает исполнение решения [24; 25]. В делах о дискриминации проблема иная, но логика сходна: запрет расового профилирования становится декларацией, если заявитель не располагает механизмами для фиксации фактов, получения доказательств и перераспределения бремени доказывания [18; 29; 36].

Статья 47 Хартии ЕС и статья 13 Конвенции позволяют рассматривать доступ к правосудию как самостоятельную центральную ценность правозащитного государства [1; 24; 25]. Но именно эта ценность сегодня сталкивается с новыми угрозами. Ускорение административных процедур, цифровизация сервиса, размывание личного контакта с судом и правовой помощью, а также усложнение многоуровневой структуры средств защиты приводят к тому, что формальная открытость системы не гарантирует ее реальной доступности. Особенно уязвимы в такой ситуации иностранцы, дети без сопровождения, лица с ограниченными ресурсами, этнические и религиозные меньшинства.

Германия и Франция решают эту проблему по-разному. Германия больше полагается на сильную догматику основных прав и возможность конституционной жалобы как финального инструмента контроля. Франция — на развитые формы административного судопроизводства, включая срочные процедуры *référé*. Однако обе модели сталкиваются с общим ограничением: даже эффективный судебный механизм работает с опозданием, если лицо не может своевременно активировать его, собрать материалы, понять применимый режим и удержаться в стране или в безопасной среде до завершения рассмотрения спора. Следовательно, современная защита прав человека требует переноса части правозащитных гарантий «вперед» — в стадию первого административного контакта, полицейской проверки, пограничного решения, цифровой регистрации и первоначальной оценки риска.

В практическом плане это означает необходимость обязательной мотивировки вмешательства, доступного разъяснения прав на понятном языке, оперативного допуска к адвокату или правовому консультанту, а также возможности оспаривания не только окончательного решения, но и промежуточных действий, создающих необратимые последствия. Именно процессуальная инфраструктура сегодня во многом определяет, останется ли европейская модель прав человека живой системой защиты или будет все чаще сводиться к ретроспективной констатации уже совершившихся нарушений.

8. Сравнительный анализ: пять узловых актуальных проблем защиты прав человека в ФРГ и Франции

Проведенный анализ позволяет выделить пять узловых проблем, которые определяют современ-

ное состояние защиты прав человека в Германии и Франции и одновременно отражают общие тенденции развития европейского права.

Первая проблема — конфликт между безопасностью и приватностью в условиях цифрового государства. И Германия, и Франция признают необходимость использования новых технологий для предотвращения преступлений, терроризма и массовых беспорядков. Однако различие состоит в интенсивности конституционной настороженности. Германский подход, восходящий к праву на информационное самоопределение, склонен видеть в алгоритмической переработке данных самостоятельную и качественно новую угрозу свободе личности [12; 15; 17]. Французский подход в большей степени допускает экспериментальное и мотивированное расширение видеонаблюдения при условии регуляторного надзора и ограничений на распознавание лиц [9; 10; 21; 34]. С правозащитной точки зрения проблема в обоих случаях заключается в том, что цифровое вмешательство становится инфраструктурным, то есть менее заметным, но более масштабным.

Вторая проблема — напряжение между свободой религии и различными моделями нейтралитета государства. Германия в большей степени исходит из открытого нейтралитета и плюралистического включения религиозных проявлений, что видно по делам о платке [14]. Франция же склонна связывать нейтралитет с более высокой степенью видимой секуляризации публичной сферы, особенно в школе и в контексте сокрытия лица [7; 8; 28]. Спор здесь не сводится к одежде или символам. На более глубоком уровне он касается вопроса, может ли государство во имя республиканского единства или «совместной жизни» ограничивать способы публичной самоидентификации индивида. Современная правозащитная доктрина все более скептически относится к таким ограничениям, если они не подтверждены конкретной опасностью и непропорционально затрагивают меньшинства [41–43].

Третья проблема — кризис процессуальных гарантий в миграционном праве. Германия и Франция имеют развитые законодательные рамки убежища и пребывания иностранцев, однако на практике именно скорость процедур, пространственная изоляция заявителей и превалирование логики контроля границ создают наибольшие риски для прав человека [4; 5; 23–27]. ЕСПЧ последовательно подчеркивает, что право на эффективное средство защиты в миграционных делах должно быть реально способно остановить необратимое нарушение, а особая уязвимость детей и просителей убежища требует усиленных позитивных обязанностей государства [24–26]. Правозащитная проблема здесь заключается в том, что административная рациональность стремится сокращать время и увеличивать управляемость, тогда как права человека требуют паузы, индивидуализации и проверки риска.

Четвертая проблема — скрытая дискриминация и этническое профилирование. Практика Basu и

Seydi показывает, что даже при формальном равенстве полицейское усмотрение может воспроизводить устойчивые модели селективного контроля [18; 29; 36]. В социальном плане это усиливается общим ростом подозрительности к миграционным и религиозным меньшинствам, что фиксируют европейские доклады о фундаментальных правах [31; 32]. Следовательно, защита права на равенство требует не только запрета дискриминации, но и процессуальной реконструкции повседневной работы полиции, транспортной безопасности, пограничного контроля и алгоритмических систем.

Пятая проблема — расширение правозащитного измерения на новые сферы, прежде всего экологическую и технологическую. Германская климатическая юриспруденция продемонстрировала, что права человека могут быть использованы для контроля не только уже совершенного вмешательства, но и недостаточности государственной политики в отношении будущих поколений [16]. Французские и общеевропейские дискуссии о наблюдении, алгоритмах и ИИ показывают аналогичное смещение: права человека становятся инструментом оценки архитектурных решений, которые еще не вызвали индивидуального вреда, но системно перераспределяют свободу и уязвимость. Это одна из главных особенностей современной правозащитной эпохи: спор идет все чаще не о единичном акте произвола, а о проектировании правил, способных заранее изменить положение человека в цифровом, экологическом и миграционном обществе.

8.1. Будущее прав человека в ЕС: от каталога свобод к управлению уязвимостью

Один из наиболее примечательных выводов сравнительного анализа Германии и Франции состоит в том, что современное право прав человека постепенно меняет собственную функцию. Если классическая модель была ориентирована преимущественно на защиту лица от видимого запрета, цензуры, ареста или конфискации, то нынешняя модель все чаще работает с распределением уязвимости. Речь идет о том, какие группы чаще становятся объектом проверки, кто в большей степени теряет анонимность в цифровой среде, кто несет непропорциональные издержки климатической политики, кому сложнее активировать средство защиты и чьи способы жизни признаются «проблемными» для публичного порядка.

В таком контексте права человека перестают быть только языком пределов для государства; они становятся языком оценки управленческих архитектур. Германская линия на конституционный контроль цифрового анализа данных и климатического законодательства [15–17] как раз показывает переход от проверки отдельного акта к контролю проектной логики публичной власти. Французские споры о *laïcité*, миграции и алгоритмическом наблюдении обнаруживают тот же сдвиг: ключевым становится вопрос, какие модели видимости, идентификации и принадлежности встраиваются в обычное административ-

ное действие [8; 9; 21; 28; 34].

Для Европейского союза это означает необходимость более тесного соединения материальных и процедурных гарантий. Нельзя эффективно защищать свободу религии, не анализируя полицейские и школьные процедуры; нельзя защищать частную жизнь, ограничиваясь запретом на распознавание лица, если сохраняется массовая аналитическая оценка поведения; нельзя говорить о недискриминации, не реформируя доказательственные стандарты; нельзя всерьез защищать достоинство мигранта, если логика управления границей по-прежнему строится на ускоренном оттеснении жалобы. Иными словами, будущая эффективность прав человека в ЕС зависит от того, сможет ли правовая система перейти от символического провозглашения прав к тонкой настройке институтов, которые производят уязвимость.

В этом смысле, на наш взгляд, опыт Германии и Франции имеет общеевропейскую ценность. Германия напоминает, что без сильной конституционной догматики достоинства и свободы цифровое и социальное администрирование легко выходит из-под контроля. Франция напоминает, что права человека не могут игнорировать проблематику общего пространства, публичной безопасности и гражданской интеграции. Но обе страны вместе показывают и более важное: главная задача XXI века состоит не в изобретении новых громких деклараций, а в том, чтобы научиться конституционно управлять сложностью — технологической, культурной, миграционной и экологической — не жертвуя человеком как конечной целью права.

9. Направления совершенствования правовой защиты прав человека в ЕС на примере Германии и Франции

Анализ германского и французского опыта позволяет сформулировать несколько предложений *de lege ferenda* и *de lege lata*, значимых не только для этих стран, но и для европейского пространства в целом.

Во-первых, требуется более жесткая конституционная и законодательная привязка всех форм алгоритмического наблюдения к критериям необходимости, соразмерности, функционального ограничения и независимого контроля. Простого различия между «распознаванием лиц» и «небиометрической» аналитикой уже недостаточно. Если технология позволяет автоматически выявлять, классифицировать и прогнозировать поведение в публичном пространстве, она должна рассматриваться как чувствительное вмешательство в частную жизнь и свободу передвижения. Германская юриспруденция о цифровых профилях здесь может служить ориентиром для всего ЕС [15; 17].

Во-вторых, необходимо институционально укрепить процессуальные гарантии в миграционных и убежищных делах. Это означает обязательный приостанавливающий эффект средств защиты в делах, где существует риск нарушения статьи 3 Конвенции;

расширение бесплатной правовой помощи; независимый контроль приграничных зон; приоритетное обеспечение защиты детей без сопровождения; создание стандартов доказуемости условий содержания и доступа к процедурам [23–27]. В противном случае право на убежище будет все больше превращаться в символическую формулу, зависящую от скорости и непрозрачности административной логики.

В-третьих, следует переосмыслить практику светскости и нейтралитета в направлении более строгого теста конкретной опасности. Ни в Германии, ни во Франции нельзя допускать, чтобы религиозный символ сам по себе считался угрозой публичному порядку, школьному миру или достоинству иных лиц. Чем более абстрактна заявленная цель ограничения, тем выше риск, что под видом нейтралитета будет осуществляться дисциплинирование конкретных меньшинств. С этой точки зрения французская доктрина *vivre ensemble* требует особенно осторожного применения, а германская модель открытого нейтралитета заслуживает дальнейшего развития [14; 28; 41–43].

В-четвертых, антидискриминационная защита должна быть операционализирована в повседневных процедурах полиции и органов безопасности. Необходимы обязательная фиксация оснований проверки личности, доступные средства последующего обжалования, статистический и независимый аудит практик контроля, а также судебное перераспределение бремени доказывания в случаях, где имеются веские признаки селективного вмешательства [18; 29; 36]. Без этого запрет дискриминации будет оставаться декларацией, слабо воздействующей на реальную административную практику.

Заключение

Защита прав человека в странах Европейского союза на примере Германии и Франции демонстрирует парадокс современного европейского конституционализма. С одной стороны, никогда ранее права не были столь подробно институционализированы: существует многослойная система конституционных текстов, Хартия ЕС, Конвенция, практика ЕСПЧ и Суда ЕС, специализированные органы контроля данных и развитые национальные суды. С другой стороны, именно в этих насыщенных правопорядках проявляются новые формы уязвимости личности — не всегда грубые и очевидные, но зачастую более системные, потому что встроенные в технологию, административную процедуру или риторику публичной безопасности.

Германский опыт показывает высокую продуктивность доктрины человеческого достоинства и информационного самоопределения как инструментов сопротивления цифровому государству, недооценке социального минимума для мигрантов и формальному ограничению религиозной свободы [12–17]. Французский опыт, в свою очередь, ясно демонстрирует амбивалентность республиканского универсализма: он способен служить языком равенства и общей

гражданской свободы, но при определенных условиях превращается в язык нормализации публичного пространства, допускающий ограничения во имя *laïcité*, публичного порядка и «совместной жизни» [7; 8; 21; 28].

В конечном счете актуальные проблемы защиты прав человека в ЕС связаны не с дефицитом правовых деклараций, а с изменением самой природы угроз. Сегодня права человека сталкиваются не только с традиционным запретом или наказанием, но и с алгоритмической классификацией, ускоренной миграционной процедурой, профилактическим полицейским подозрением, символическим исключением религиозных меньшинств и климатическим горизонтом ограничения будущей свободы. Германия и Франция отвечают на эти вызовы по-разному, однако обе правовые системы подтверждают один общий вывод: устойчивость европейской модели прав человека зависит от способности судов и законодателя удерживать достоинство личности, равенство и эффективную судебную защиту в качестве реальных ограничителей власти, а не декоративных принципов.

Именно поэтому дальнейшее развитие правозащитных механизмов в ЕС должно идти по линии усиления процессуальных гарантий, конституционного контроля за цифровыми технологиями, недопущения скрытой дискриминации и более строгой проверки ограничений свободы религии и миграционных прав. Только в этом случае европейское право сможет сохранить свой гуманистический потенциал в условиях новой технологической и политической турбулентности.

Список литературы:

- [1] Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/02.
- [2] Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/01.
- [3] Basic Law for the Federal Republic of Germany (Grundgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [4] Asylum Act (Asylgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [5] Act on the Residence, Economic Activity and Integration of Foreigners in the Federal Territory (Residence Act – AufenthG). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [6] Constitution du 4 octobre 1958; Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789 // Légifrance.
- [7] Loi n° 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Journal officiel de la République française. 2004.
- [8] Loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Journal officiel de la République française. 2010.
- [9] Loi n° 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux

jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. 2023.

[10] Décret n° 2023-828 du 28 août 2023 relatif aux modalités de mise en œuvre des traitements algorithmiques sur les images collectées au moyen de systèmes de vidéoprotection et de caméras installées sur des aéronefs // Journal officiel de la République française. 2023.

[11] Code de la sécurité intérieure. Titre V : Vidéoprotection // Légifrance.

[12] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 15 December 1983, 1 BvR 209/83 (Census Act decision).

[13] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 18 July 2012, 1 BvL 10/10, 1 BvL 2/11 (Asylum Seekers Benefits Act).

[14] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 27 January 2015, 1 BvR 471/10, 1 BvR 1181/10 (Headscarf ban for teachers).

[15] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 19 May 2020, 1 BvR 2835/17 (Foreign telecommunications surveillance by the BND).

[16] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 24 March 2021, 1 BvR 2656/18 and others (Federal Climate Change Act).

[17] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 16 February 2023, 1 BvR 1547/19 and others (Automated data analysis).

[18] ECtHR. Basu v. Germany, no. 215/19, Judgment of 18 October 2022.

[19] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-717/718 QPC du 6 juillet 2018.

[20] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-765 DC du 12 juin 2018.

[21] Conseil constitutionnel. Décision n° 2023-850 DC du 17 mai 2023.

[22] Conseil d'État. Décision n° 403578 du 26 septembre 2016; décision du 17 juillet 2023 concernant l'interdiction de tenues religieusement connotées sur les plages.

[23] ECtHR. Amuur v. France, no. 19776/92, Judgment of 25 June 1996.

[24] ECtHR. Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France, no. 25389/05, Judgment of 26 April 2007.

[25] ECtHR. De Souza Ribeiro v. France [GC], no. 22689/07, Judgment of 13 December 2012.

[26] ECtHR. Khan v. France, no. 12267/16, Judgment of 28 February 2019.

[27] ECtHR. K.I. v. France, no. 5560/19, Judgment of 15 April 2021.

[28] ECtHR. S.A.S. v. France [GC], no. 43835/11, Judgment of 1 July 2014.

[29] ECtHR. Seydi and Others v. France, no. 35844/17, Judgment of 26 June 2025.

[30] Court of Justice of the European Union. M and Others (Revocation of refugee status), Joined Cases C-391/16, C-77/17 and C-78/17, Judgment of 14 May 2019.

[31] European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights Report 2025. Luxembourg, 2025.

[32] European Union Agency for Fundamental Rights. Being Muslim in the EU – Experiences of Muslims. Luxembourg, 2024.

[33] European Commission. 2025 Rule of Law Report. Brussels, 2025.

[34] CNIL. 2024 Olympics: CNIL's Q&A on your privacy and freedoms. 25 June 2024.

[35] CNIL. Facial recognition: for a debate living up to the challenges. Paris, 2019.

[36] European Court of Human Rights. Guide on Article 14 of the Convention and on Article 1 of Protocol No. 12; Factsheet "Racial profiling". Strasbourg, 2025.

[37] McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4.

[38] Grimm D. The Role of Fundamental Rights after Sixty-Five Years of Constitutional Jurisprudence in Germany // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. No. 1.

[39] Enders C. A Right to Have Rights – The German Constitutional Concept of Human Dignity // NUJS Law Review. 2010. Vol. 3. No. 3.

[40] Fikfak V., Izvorova L. Language and Persuasion: Human Dignity at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2022. Vol. 22. No. 3.

[41] Pearson M. What Happened to 'Vivre Ensemble?': Developments after S.A.S. v France // Oxford Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 10. No. 2.

[42] Elliot-Williams G. Protection of the Right to Manifest Religion or Belief under the European Convention on Human Rights in S.A.S. v France // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. No. 2.

[43] Bennoune K. Secularism and Human Rights: A Contextual Analysis of Headscarves, Religious Expression, and Women's Equality under International Law // Columbia Journal of Transnational Law. 2007. Vol. 45. No. 2.

[44] Hennette-Vauchez S. Human Dignity in French Law // In: The Cambridge Handbook of Human Dignity / ed. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge, 2014.

References:

[1] Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/02.

[2] Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/01.

[3] Basic Law for the Federal Republic of Germany (Grundgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.

[4] Asylum Act (Asylgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.

[5] Act on the Residence, Economic Activity and Integration of Foreigners in the Federal Territory (Residence Act – AufenthG). Official English translation. Gesetze im Internet.

[6] Constitution du 4 octobre 1958; Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789 // Légifrance.

[7] Loi n° 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant,

en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Journal officiel de la République française. 2004.

[8] Loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Journal officiel de la République française. 2010.

[9] Loi n° 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. 2023.

[10] Décret n° 2023-828 du 28 août 2023 relatif aux modalités de mise en œuvre des traitements algorithmiques sur les images collectées au moyen de systèmes de vidéoprotection et de caméras installées sur des aéronefs // Journal officiel de la République française. 2023.

[11] Code de la sécurité intérieure. Titre V : Vidéoprotection // Légifrance.

[12] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 15 December 1983, 1 BvR 209/83 (Census Act decision).

[13] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 18 July 2012, 1 BvL 10/10, 1 BvL 2/11 (Asylum Seekers Benefits Act).

[14] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 27 January 2015, 1 BvR 471/10, 1 BvR 1181/10 (Headscarf ban for teachers).

[15] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 19 May 2020, 1 BvR 2835/17 (Foreign telecommunications surveillance by the BND).

[16] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 24 March 2021, 1 BvR 2656/18 and others (Federal Climate Change Act).

[17] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 16 February 2023, 1 BvR 1547/19 and others (Automated data analysis).

[18] ECtHR. Basu v. Germany, no. 215/19, Judgment of 18 October 2022.

[19] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-717/718 QPC du 6 juillet 2018.

[20] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-765 DC du 12 juin 2018.

[21] Conseil constitutionnel. Décision n° 2023-850 DC du 17 mai 2023.

[22] Conseil d'État. Décision n° 403578 du 26 septembre 2016; décision du 17 juillet 2023 concernant l'interdiction de tenues religieusement connotées sur les plages.

[23] ECtHR. Amuur v. France, no. 19776/92, Judgment of 25 June 1996.

[24] ECtHR. Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France, no. 25389/05, Judgment of 26 April 2007.

[25] ECtHR. De Souza Ribeiro v. France [GC], no. 22689/07, Judgment of 13 December 2012.

[26] ECtHR. Khan v. France, no. 12267/16, Judgment of 28 February 2019.

[27] ECtHR. K.I. v. France, no. 5560/19, Judgment of 15 April 2021.

[28] ECtHR. S.A.S. v. France [GC], no. 43835/11, Judgment of 1 July 2014.

[29] ECtHR. Seydi and Others v. France, no. 35844/17, Judgment of 26 June 2025.

[30] Court of Justice of the European Union. M and Others (Revocation of refugee status), Joined Cases C-391/16, C-77/17 and C-78/17, Judgment of 14 May 2019.

[31] European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights Report 2025. Luxembourg, 2025.

[32] European Union Agency for Fundamental Rights. Being Muslim in the EU – Experiences of Muslims. Luxembourg, 2024.

[33] European Commission. 2025 Rule of Law Report. Brussels, 2025.

[34] CNIL. 2024 Olympics: CNIL's Q&A on your privacy and freedoms. 25 June 2024.

[35] CNIL. Facial recognition: for a debate living up to the challenges. Paris, 2019.

[36] European Court of Human Rights. Guide on Article 14 of the Convention and on Article 1 of Protocol No. 12; Factsheet "Racial profiling". Strasbourg, 2025.

[37] McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4.

[38] Grimm D. The Role of Fundamental Rights after Sixty-Five Years of Constitutional Jurisprudence in Germany // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. No. 1.

[39] Enders C. A Right to Have Rights – The German Constitutional Concept of Human Dignity // NUJS Law Review. 2010. Vol. 3. No. 3.

[40] Fikfak V., Izvorova L. Language and Persuasion: Human Dignity at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2022. Vol. 22. No. 3.

[41] Pearson M. What Happened to 'Vivre Ensemble?': Developments after S.A.S. v France // Oxford Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 10. No. 2.

[42] Elliot-Williams G. Protection of the Right to Manifest Religion or Belief under the European Convention on Human Rights in S.A.S. v France // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. No. 2.

[43] Bennoune K. Secularism and Human Rights: A Contextual Analysis of Headscarves, Religious Expression, and Women's Equality under International Law // Columbia Journal of Transnational Law. 2007. Vol. 45. No. 2.

[44] Hennette-Vaucher S. Human Dignity in French Law // In: The Cambridge Handbook of Human Dignity / ed. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge, 2014.